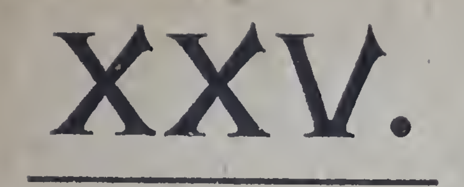

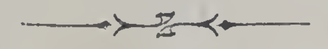
ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ

СЛАВЫ

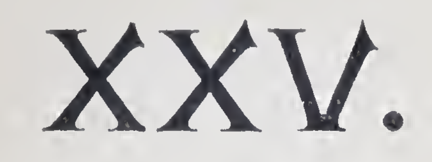
ВЪ ОПЕРѢ

(КЪ ПРОЩАЛЬНОМУ БЕНЕФИСУ Н. Н. ФИГНЕРА)

Составилъ „ФИГНЕРИСТЪ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, д. 13
1907

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ

СЛАВЫ ВЪ ОПЕРѢ

(КЪ ПРОЩАЛЬНОМУ БЕНЕФИСУ Н. Н. ФИГНЕРА)

Составилъ „ФИГНЕРИСТЪ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, д. 13
1907

И въ нашей жизни повседневной
Бываютъ радужные сны.
Въ край незнакомый, въ край волшебный,
Но близкій намъ и задушевный
Мы ими вдругъ увлечены.

Ѳ. ТЮТЧЕВЪ.

Болѣе двадцати лѣтъ назадъ, а именно 13-го апрѣля 1887 года, Н. Н. Фигнеръ выступилъ впервые на сценѣ Маріинскаго театра, зрительный залъ котораго изображалъ тогда такую пустыню, какую теперь трудно даже представить. Затѣмъ съ участіемъ Фигнера дано было еще четыре спектакля и — осенью того же года, едва объявлено было о приглашеніи Фигнера въ русскую оперу, касса ея оказалась въ непрерывной осадѣ: фигнеристовъ и фигнеристокъ, стремившихся въ оперу, было много больше, чѣмъ мѣстъ въ театрѣ. Каждая арія, чуть ли не каждое слово талантливаго пѣвца вызывали бурныя оваціи, на сцену посыпался такой дождь цвѣтовъ, что дирекція театра вынуждена была принять мѣры противъ излишняго проявленія чувствъ. Такой тріумфъ пѣвца, такой блестящій и быстрый успѣхъ, такое полное завоеваніе холодной

и капризной петербургской публики были неожиданностью для самыхъ завзятыхъ нашихъ театраловъ, ничего не слыхавшихъ до тѣхъ поръ о Фигнерѣ, но не для него. Въ теченіе пяти предыдущихъ лѣтъ (1882—1887) онъ пѣлъ на сценахъ 46 театровъ Италіи «con crescente entusiasmo», «con splendido successo», какъ единогласно свидѣтельствовали различнѣйшія итальянскія газеты. Для ряда городовъ въ отзывахъ о множествѣ разныхъ оперъ повсюду повторяется: «Nicola Figner, giovani russo, questo distintissimo primo tenore assoluto, dotato di una voce veramente simpatica, chiara, squillante, estesissima e córretta alla scuola perfettissima italiana». Отзывчивые и чуткіе ко всему прекрасному Итальянцы сразу поняли, какой артистъ передъ ними, и не пожалѣли эпитетовъ богатѣйшаго своего языка для характеристики достоинствъ пѣвца. Въ особенности прельщало ихъ изящество его исполненія: «persona distintissima» и «una voce dolce ed elegantissima»—повторяются неизбѣжно, о чемъ бы ни шла рѣчь относительно Nicola Figner.

Италія—родина пѣвцовъ,—видѣла много превосходнѣйшихъ артистовъ, снискать ея вниманіе по этой части не легко, еще труднѣй удержать за собой ея расположеніе. И, конечно, немногимъ выпало на долю такъ долго, такъ неизмѣнно повсюду въ Италіи быть встрѣчаемымъ съ восторгомъ, провожаемымъ съ энтузіазмомъ, какъ Фигнеру.

Н. Н. ФИГНЕРЪ, солистъ Его Императорскаго Величества (съ 1894 г.).

Неаполь, Кальяри (Сардинія), Сіена, Миланъ, Болонья, Асколи-Пичено, Анкона, Парма, Реджіо, Феррара, Верона, Тревизо, Удинэ, Персичето, Пиза, Ливорно, Туринъ—вотъ приблизительный списокъ итальянскихъ городовъ, гдѣ Фигнеръ имѣлъ тріумфъ. Въ Испаніи: Барцелона, славящаяся капризами и строгостью публики, Валенція, Севилья и Кадиксъ, въ Румыніи—Бухарестъ, щедро наградили талантливаго пѣвца аплодисментами, бурными «браво!» и цвѣтами, если не деньгами, за которыми ему пришлось съѣздить въ Южную Америку (Буэносъ-Айресъ, Монтевидео, Санъ-Паоло и Ріо-Жанейро). Впрочемъ, относительно первой поѣздки въ Южную Америку (въ 1884 г.), если не считать бурныхъ овацій, Фигнеру пришлось повторить, знаменитыя слова Калхаса: «слишкомъ много цвѣтовъ», такъ какъ пѣвцу уплачено было всего по 4,000 франковъ за восемь спектаклей въ мѣсяцъ. Черезъ два же года за столько же спектаклей въ мѣсяцъ тѣ же американцы платили 16,000 фр., изъ чего ясно слѣдуетъ, какъ понравился пѣвецъ въ первый разъ. Отмѣченный уже славой, пѣлъ Фигнеръ еще въ Лондонѣ (театры: Ковенъ-Гарденъ, Друлилейнъ и Пале-Кристаль) и наконецъ появился въ Петербургѣ.

Появленіе его создало эпоху въ исторіи Маріинскаго театра.

Тутъ самый дебютъ его былъ таковъ, что, нѣсколько измѣнивъ другое не менѣе знаменитое изре-

ченіе, Фигнеръ могъ сказать о себѣ: «я пришелъ, меня увидѣли, и я побѣдилъ». Радамесъ, Фаустъ и Рауль де-Нанжи показаны были въ такомъ исполненіи, какого петербургская публика еще не видывала. Бывали, конечно, у насъ пѣвцы съ хорошими голосами, но, какъ говорится, ступить по сценѣ не умѣли; случались хорошіе артисты,—голосовъ не имѣли. У Фигнера прелестный голосъ, которымъ онъ владѣетъ въ совершенствѣ, былъ на ряду съ мастерствомъ сценическаго исполненія. Способность дать художественный до мелочей законченный образъ—вотъ разгадка необыкновеннаго обаянія, которымъ Фигнеръ пользуется болѣе двадцати лѣтъ. Конечно, тотчасъ же послѣ дебюта нашлось не мало лицъ, поспѣшившихъ заявить, что у Фигнера голосъ слабъ, если не совсѣмъ отсутствуетъ... Обычная исторія при встрѣчѣ всякаго крупнаго таланта! Отвѣтъ публики на эти заявленія былъ простъ: едва на афишѣ появлялось имя Фигнера, какъ передъ кассой красовался аншлагъ «билеты всѣ проданы». Это неизмѣнно повторялось въ теченіе того времени, которое по справедливости можетъ быть названо «фигнеріадой» т. е. въ теченіе тѣхъ полутора десятка лѣтъ, пока Фигнеръ былъ на сценѣ Маріинскаго театра, куда онъ былъ приглашенъ осенью того же 1887 г., котораго весной дебютировалъ. Болѣе 60 оперъ старыхъ и новыхъ композиторовъ вошли въ репертуаръ талантливаго пѣвца. Вагнеръ,

Верди, Пуччини, Понкіелли, Масснэ, Чайковскій [1]), Направникъ привѣтствовали Фигнера, какъ художника-исполнителя ихъ твореній. Партіи лирическаго характера, какъ Ленскаго, Альфреда (въ «Травіатѣ»), герцога въ «Риголетто» онъ пѣлъ съ такимъ же совершенствомъ, какъ сильно-драматическія Рауля въ «Гугенотахъ», Радамеса въ «Аидѣ». Легкій итальянскій жанръ (Фра-Діяволо, Альмавива) такъ же доступенъ ему, какъ и Вагнеръ («Лоэнгринъ», «Морякъ-Скиталецъ»). Особенную прелесть придаетъ исполненіе Фигнера—«persona distintissima!»—любовнымъ объясненіямъ. Это такой обольстительно-нѣжный Фаустъ, каждое слово его въ этой партіи звучитъ такой чарующей лаской, что для слушателей увлеченіе бѣдной Маргариты представляется совершенно неизбѣжнымъ. «Il duetto d'amore il sublime duetto d'amore che non invecchia mai»,—этотъ дивный дуэтъ въ садикѣ Маргариты одинъ изъ лучшихъ цвѣтковъ въ вѣнкѣ славы Фигнера!

Восхищаясь изяществомъ Фауста-Фигнера, итальянцы, однако, не пропускали отмѣтить, что въ знаменитой каватинѣ «Salve, dimora» пѣвецъ безъ затрудненія бралъ do—«naturale di una limpidezza invidiabile». Любовь, однако, какъ жизнь, безконечно разнообразна. Послѣ нѣжнаго воркованія съ Маргаритой, робѣющей передъ неизвѣданнымъ чув-

[1]) Чайковскій на клавирѣ «Пиковой Дамы», подаренномъ Н. Н., написалъ: «виновнику существованія этой оперы».

Н. Н. ФИГНЕРЪ—Радамесъ въ оп. Верди «Аида».

ствомъ, послѣ сладостной пѣсни юной любви, тенору приходится пѣть совсѣмъ иначе, хотя и о любви же... При багровыхъ отблескахъ пожара, подъ страхомъ смерти мѣняются страстными клятвами гра-

финя Валентина Неверъ и Рауль де-Нанжи. Этотъ ужасъ кровавой Варѳоломеевской ночи, это жгучее очарованіе преступной любви, забывшей въ упоеніи весь міръ и очнувшейся отъ звуковъ набата, зовущаго къ убійству, — тутъ, кромѣ исключительнаго голоса, нуженъ сильный драматическій талантъ, только художникъ-артистъ въ силахъ справиться съ подобной сценой. И кто слышалъ этотъ безподобный дуэтъ 4-го акта «Гугенотъ» въ исполненіи Фигнера,—тотъ долженъ признать, что такіе художники-артисты бываютъ... Художественно изображаетъ Фигнеръ Отелло, при чемъ въ частности прощаніе Отелло со славой — нѣчто исключительное по красотѣ и величію исполненія, чего забыть нельзя. Послѣ того какъ Фигнеръ спѣлъ «Отелло» на Маріинской сценѣ, дирекціей императорскихъ театровъ былъ приглашенъ для исполненія этой партіи знаменитый Таманьо. (Въ разсчетѣ на его феноменальный голосъ Верди, какъ говорятъ, писалъ «Отелло»). Когда Таманьо спѣлъ, директоръ театровъ спросилъ Императора Александра III, присутствовавшаго на спектаклѣ, угодно ли Его Величеству продолженіе гастролей итальянскаго пѣвца.

— «Нѣтъ, отвѣчалъ Государь,—одно прощаніе Отелло-Фигнера со славой я не отдамъ за всего Таманьо цѣликомъ».

А Верди на своемъ портретѣ, данномъ Фигнеру въ 1894 г. послѣ исполненія имъ въ Миланѣ «Отелло», написалъ: «al mio fedele interprete».

Н. Н. ФИГНЕРЪ—Отелло въ оперѣ Верди.

*

Вообще талантъ Фигнера, этого художника-пѣвца, особенно ярко блистаетъ тамъ, гдѣ два генія соединяются для изображенія одного образа. Гдѣ Верди и Гуно даютъ музыку для пополненія образовъ, созданныхъ Шекспиромъ, тамъ во всемъ блескѣ выступаетъ талантъ художника-пѣвца, достигающаго наибольшей силы и красоты въ изображеніи «Ромео». Шекспировская трагедія, положенная на музыку Гуно, повѣсть о веронскихъ любовникахъ, «печальнѣе и очаровательнѣе которой нѣтъ на свѣтѣ», это какой-то восторженный гимнъ въ честь любви, готовой на самопожертвованіе, увлекающейся до самозабвенія, презирающей всѣ преграды, не боящейся даже смерти. Юнаго героя этой повѣсти Фигнеръ изображаетъ внѣ сравненія съ кѣмъ бы то ни было. Конечно, музыка Гуно подсказываетъ чувству то, чего, за недостаткомъ словъ на человѣческомъ языкѣ, не смогъ выразить даже Шекспиръ, но вѣдь для того, чтобы какъ слѣдуетъ использовать роскошный матеріалъ, данный геніями музыки и поэзіи для образа Ромео, надо имѣть огромныя силы... И этотъ дивно прекрасный образъ Фигнеръ даетъ въ безупречно-художественномъ исполненіи. Въ образѣ этого юноши, гибнущаго жертвой любви и роковыхъ случайностей, Фигнеръ—трагическій пѣвецъ, artista di prim'ordine, артистъ съ головы до ногъ. Кто слышалъ и видѣлъ, какъ Ромео-Фигнеръ, вызывая на бой оскорбившаго его Тебальдо-

Капулетти, грозитъ ему: «Жизни твоей пришелъ конецъ!» — тотъ напрасно будетъ ждать даже отъ трагиковъ, не только отъ оперныхъ пѣвцовъ, такого же потрясающаго впечатлѣнія... Эту сцену такъ исполняетъ единственно только Фигнеръ! А въ предыдущихъ и послѣдующихъ сценахъ онъ же такъ нѣжно, такъ очаровательно поетъ Джульетѣ о любви, что въ самомъ черствомъ сердцѣ вызываетъ восторженный трепетъ.

О гибкости таланта Фигнера, о способности этого художника-пѣвца дать зрителю и слушателю законченный образъ изъ любой эпохи какого угодно народа можно сказать еще много, очень много, но... все приходитъ въ свое время и хорошо только на своемъ мѣстѣ.

* *
*

Ворохъ вырѣзокъ изъ старыхъ итальянскихъ газетъ, современныхъ успѣхамъ Фигнера въ Италіи, кипа афишъ, возвѣщающихъ о томъ или другомъ спектаклѣ съ участіемъ Фигнера то въ Миланѣ, то въ Ріо-Жанейро, то въ Лондонѣ или Бухарестѣ— все это собрано и заботливо сохранено восторженными почитателями прекраснаго таланта, это очень невзрачный по наружности, но драгоцѣнный по содержанію архивъ. А сколько прелестныхъ воспо-

минаній, сколько художественныхъ наслажденій подарилъ онъ въ теченіе двадцати лѣтъ тѣмъ, кто пристально слѣдилъ за его творчествомъ!

Но никакой архивъ, ни даже самыя подробныя воспоминанія самаго усерднаго поклонника, конечно, не могутъ сообщить настолько точныя свѣдѣнія о талантливомъ пѣвцѣ, какія даетъ... онъ самъ. А при прощальномъ бенефисѣ безъ біографическаго очерка обойтись нельзя. Вотъ что говорилъ Н. Н. Фигнеръ.

Волнуюсь ли я, когда душу̀ Дездемону и готовлюсь убить кузена Джульеты? И да, и нѣтъ! Венеціанскимъ мавромъ я себя не воображаю, мученій ревности не испытываю, и моя Дездемона можетъ быть покойна: я никогда не попытаюсь хотя бы слегка ее придушить въ увлеченіи ролью. Не причиню боли и тѣмъ, кого убиваю шпагой или иначе. Но особый нервный подъемъ, повышенное настроеніе, волненіе неизбѣжно приходятъ сами собой. Вызывать подобное возбужденіе я не могу, и думаю, что только повредилъ бы себѣ, если бы попробовалъ это сдѣлать. Однако, вызванное посторонними причинами раздраженіе оказываетъ иногда престранное дѣйствіе... Года три назадъ въ Москвѣ пѣлъ я въ «Гугенотахъ», и довольно вяло пѣлъ,—вѣдь всегда отлично чувствуешь, что̀ и какъ дѣлаешь... Въ послѣднемъ антрактѣ вдругъ въ мою уборную является антрепренеръ со счетомъ на какіе-то тамъ бутафорскіе колокола... Я ему

Н. Н. ФИГНЕРЪ - Ромео въ оперѣ Гуно «Ромео и Джульета».

говорю: «Какъ вы смѣете приставать ко мнѣ съ глупостями передъ четвертымъ актомъ «Гугенотъ»? Онъ продолжаетъ доказывать, что колокола мнѣ были возвращены или, наоборотъ, кѣмъ-то взяты. Я ему уже кричу, чтобъ онъ шелъ вонъ, иначе я его вышвырну, а онъ опять про колокола... Тутъ ужъ я не знаю, что произошло бы, если бы на крикъ мой не прибѣжалъ теноръ Клементьевъ и не увелъ антрепренера. Антрактъ былъ продолженъ на полчаса, пока я болѣе или менѣе пришелъ въ себя, затѣмъ, не вполнѣ еще успокоившись, я сталъ пѣть и, могу сказать по совѣсти, никогда въ жизни не пѣлъ я Рауля лучше!

Я всегда обдумываю заранѣе общій планъ впечатлѣнія и исполняю этотъ планъ на сколько могу, не заботясь о подробностяхъ. Случайное нарушеніе расчета? Ну, ничего, тогда какъ-нибудь справлюсь... Давно въ Бухарестѣ соперникъ-теноръ, на мѣсто котораго я былъ приглашенъ, рѣшилъ устроить мнѣ скандалъ. Шла «Карменъ». Я одѣваюсь, мнѣ говорятъ, что и онъ одѣвается. Я выхожу на сцену, и онъ выходитъ. Понимаете? Два Хозе сразу... Публика, понявъ въ чемъ дѣло, хохочетъ. Я начинаю пѣть, и онъ поетъ. Казалось бы ужъ тутъ легко было сбиться, однако, ничего: пропѣли такъ вдвоемъ до дуэта съ Микаэлой. Но дуэтъ уже никакъ нельзя пѣть втроемъ, и тутъ публика заставила соперника моего уйти со сцены. О, въ Румынію

я попалъ уже въ качествѣ моднаго итальянскаго тенора,—мнѣ платили по 200 франковъ за выходъ. Это были тогда огромныя деньги... Для начала же въ Италіи я самъ платилъ антрепренеру 50 фр. за выходъ да клакеровъ нанималъ на 25 франковъ, такъ что первые мои спектакли обходились мнѣ въ 75 фр., что было очень чувствительно.

Дебютировалъ я въ Неаполѣ въ полузабытой теперь оперѣ Гуно «Филемонъ и Бавкида», затѣмъ спѣлъ Фауста... Когда я хотѣлъ платить за третій спектакль, антрепренеръ не взялъ съ меня денегъ и даже обѣщалъ мнѣ заплатить. Онъ, впрочемъ, не заплатилъ, имѣя много расходовъ, а въ знакъ своего удовольствія и благодарности подарилъ мнѣ шпагу съ поясомъ для роли Фауста: это и былъ мой первый гонораръ. Затѣмъ стали мнѣ платить по 25 фр. за выходъ, по 50, доходило даже до сотни. Денегъ было не много, зато шуму и славы хоть отбавляй: меня наперерывъ звали по всей Италіи. Я ѣздилъ въ Испанію, Румынію, Южную Америку. Да, двигаться всегда была у меня потребность, я не могу быть безъ дѣла: скучаю, засыпаю и готовъ хворать. Много разъ только изъ-за этой потребности дѣла я впутывался въ предпріятія, отъ которыхъ завѣдомо ничего не ждалъ, кромѣ убытка и непріятностей.

Живость характера не разъ ставила меня въ смѣшныя положенія. Помните, былъ въ Москвѣ прекрасный басъ—Бутенко: я его очень любилъ, и онъ

платилъ мнѣ тѣмъ же. Пріѣзжаю однажды въ Москву, ѣду къ Бутенко, не застаю его дома, узнаю, куда онъ отправился, и ѣду за нимъ. Не заставъ его и тамъ, начинаю гоняться за нимъ по всей Москвѣ, наконецъ, уже вечеромъ, узнаю, что онъ къ клубѣ; лечу туда и, едва войдя, вижу: сидитъ мой Бутенко и мечетъ банкъ... Тогда я тихонько подхожу къ нему сзади, беру его двумя пальцами за носъ и трясу, приговаривая: «Я тебя, негодяя, цѣлый день ищу, а ты въ карты» .. и въ этотъ мигъ убѣждаюсь, что держу за носъ совершенно мнѣ неизвѣстнаго господина! Я такъ растерялся, что сталъ передъ нимъ на колѣни. Онъ оказался очень добродушнымъ, и дѣло кончилось смѣхомъ.

Какую изъ примадоннъ, пѣвшихъ со мной, считаю я наиболѣе талантливой? Сказать рѣшительно трудно... Джульета и Маргарита лучше всѣхъ была Сандерсонъ, соединявшая и голосъ, и красоту, и грацію, и сценическій талантъ. Другой пѣвицы, совмѣщавшей столько достоинствъ, я въ своей карьерѣ не встрѣчалъ... Конечно, Megandъ-Зандъ прелестна. Наилучшая Валентина въ «Гугенотахъ» безспорно Медея... Какъ Карменъ, мнѣ больше всѣхъ понравилась Арнольдсонъ. Нѣтъ, я не оговорился: эта партія написана прежде всего для сопрано, и Арнольдсонъ исполняетъ ее на мой вкусъ лучше всѣхъ. Припомнить, съ кѣмъ я вообще пѣлъ?... Нѣтъ, слишкомъ много воспоминаній! Какое изъ

подношеній отъ публики мнѣ наиболѣе понравилось? Также не могу сказать. Я получилъ ихъ столько, что изъ нихъ можно составить цѣлый музей.

Я родился 29 января 1857 г. въ Казанской губерніи, въ маленькомъ имѣніи моего отца, бывшаго однимъ изъ первыхъ мировыхъ посредниковъ. Мой

Н. Н. ФИГНЕРЪ—кадетъ Морского училища (1874—1878 г.).

родственникъ, Пещуровъ, былъ адмиралъ, вслѣдствіе чего изъ классической гимназіи я попалъ въ морской корпусъ. Думалъ ли я о сценѣ, о карьерѣ пѣвца? Да нисколько. Пѣлъ романсы я еще въ корпусѣ, но имѣлъ въ виду быть не пѣвцомъ, а морякомъ и преисправно... впрочемъ, нѣтъ, не вполнѣ исправно вышелъ во флотъ. Неисправность мою,

*

чисто семейнаго свойства, прикрылъ Пещуровъ, ставшій тогда морскимъ министромъ. Тѣмъ не менѣе, за эту «неисправность» я изрядно посидѣлъ подъ арестомъ. Затѣмъ я добросовѣстно исполнялъ все, что мнѣ полагалось по службѣ. Я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю службу свою во флотѣ. Плавалъ я въ Черномъ морѣ на «Россіи», пароходѣ Добровольнаго флота. Такіе пароходы предполагалось въ случаѣ войны обращать въ крейсера, и командиръ у насъ былъ лихой, хотя и суровый... Мы относились къ нему съ чувствомъ восторженнаго обожанія, хотя и очень его побаивались: это былъ Ѳ. В. Дубасовъ, тогда капитанъ-лейтенантъ, а теперь адмиралъ и генералъ-адъютантъ. Дослужился я въ теченіе шести лѣтъ до чина лейтенанта,—и уѣхалъ въ Италію. Не то, чтобы я порѣшилъ сдѣлаться пѣвцомъ—нѣтъ, а просто послѣдствія все той же семейной неисправности стали такъ тяжко чувствоваться, что надо мнѣ было куда-нибудь дѣваться. Въ консерваторіи петербургскіе профессора признали меня неспособнымъ, а мать дала мнѣ тысячу рублей на поѣздку въ Италію,—я и поѣхалъ. Въ Миланѣ итальянскіе профессора очень скоро вытянули у меня не только деньги, но и голосъ: онъ у меня совсѣмъ пропалъ. Питаться я, наконецъ, сталъ преимущественно «гранитой», этимъ подслащеннымъ снѣгомъ, а размышленія мои сводились къ вопросу, что же дѣлать: повѣситься или застрѣлиться? Ни

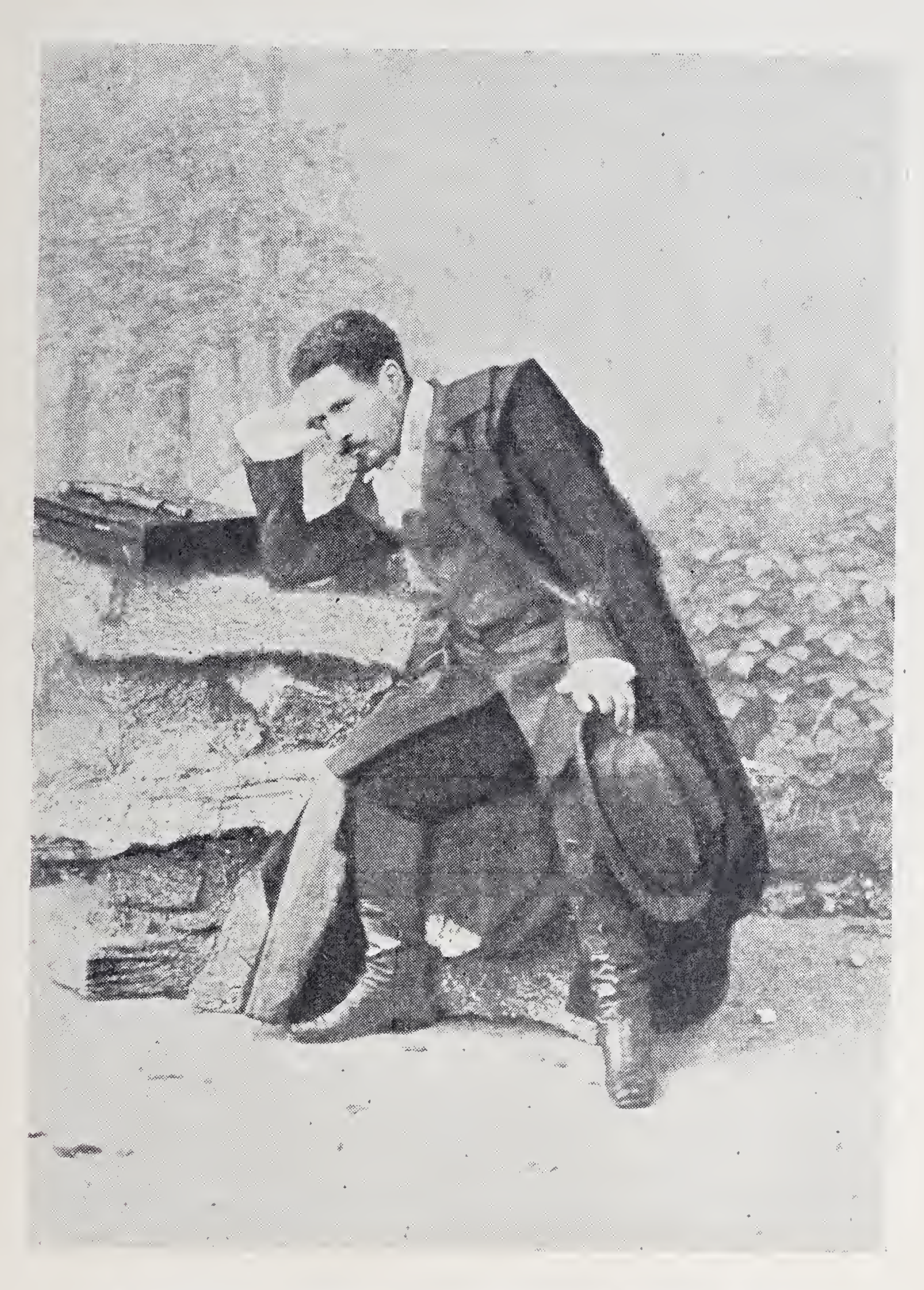
денегъ, ни голоса, никакого положенія... Однажды, когда я сидѣлъ за стаканомъ граниты, уже окончательно мрачный, неизвѣстный мнѣ итальянецъ выразилъ предположеніе, нѣтъ ли у меня какой-

Н. Н. ФИГНЕРЪ—гардемаринъ (1878—1879 г.).

нибудь дряни на умѣ, судя по моему виду. Разговорились. Я откровенно разсказалъ ему свои злоключенія. Онъ оказался опернымъ антрепренеромъ и указалъ мнѣ въ качествѣ учителя своего пріятеля—Дероксаса (Deroxax). Этому я понравился,

онъ взялся меня учить даромъ, голосъ скоро ко мнѣ вернулся, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я дебютировалъ, затѣмъ, какъ уже говорилъ, получилъ въ подарокъ поясъ съ бутафорской шпагой, затѣмъ все прочее.. Послѣ Испаніи, Англіи, Южной Америки меня позвали въ Петербургъ на три спектакля по 500 руб. за выходъ. Я имѣлъ успѣхъ и вмѣсто трехъ спѣлъ пять спектаклей, и, проведя лѣто въ Лондонѣ, осенью 1887 г., по Высочайшему повелѣнію, получилъ ангажементъ въ Маріинскій театръ, съ которымъ затѣмъ долго не разставался. О, да, тутъ были не только розы, но и шипы... Напримѣръ, одна исторія съ бородой чего стоитъ! Дирекція потребовала, чтобы я пѣлъ Ленскаго безъ бороды и «съ кудрями черными до плечъ». Я примѣрилъ такой парикъ, убѣдился, что я въ немъ безобразенъ, и бросилъ его... А бриться я тогда не могъ: въ нижней части лица было такое нервное раздраженіе, что были основанія опасаться фистулы на губахъ. Не стоитъ входить въ медицинскія подробности, но я не могъ бриться. Дѣло дошло до Высочайшаго доклада: Фигнеръ изъ каприза не хочетъ пѣть безъ бороды. Но Государь Императоръ Александръ III всегда былъ ко мнѣ милостивъ: «Ну, пусть поетъ съ бородой»!—сказалъ онъ въ отвѣтъ на докладъ, и я пѣлъ Ленскаго съ бородой. Длиннокудрый парикъ мнѣ не трудно было надѣть, но я чувствовалъ, что впечатлѣніе получится уродливое.

Н. Н. ФИГНЕРЪ—Ленскій въ оп. Чайковскаго «Евгеній Онѣгинъ».

Всегда я ставлю прежде всего эстетику: пѣвецъ долженъ хорошо спѣть, что ему полагается, во-первыхъ; сыграть долженъ не что-нибудь вообще, а то самое, что поетъ, во-вторыхъ; всей своей внѣшностью долженъ производить гармоническое впечатлѣніе, въ-третьихъ. Лучше поступиться, при случаѣ, даже исторической вѣрностью, чѣмъ нарушить цѣльность эстетическаго впечатлѣнія. Я всегда такъ думалъ, сообразно тому поступалъ, и не вижу причинъ въ томъ раскаиваться. Укоры недостаткамъ моего голоса я слышу очень давно и совершенно равнодушенъ даже къ старому извѣстію о томъ, что голосъ у меня пропалъ. Быть можетъ, его и вовсе никогда не было: критикамъ лучше извѣстно... Тогда, конечно, непонятно, какъ я могъ пѣть съ успѣхомъ въ Италіи, гдѣ съ безголосыми пѣвцами публика не шутитъ. Затѣмъ, голосъ у меня пропадáетъ, дѣйствительно, каждое утро: я поутру пѣть не могу. А по вечерамъ пою, какъ прежде пѣлъ, избѣгая, впрочемъ, теперь пѣть подъ-рядъ два вечера сильныя партіи, что прежде было для меня безразлично. Вообще же утомленія не чувствую ни малѣйшаго. За послѣднее время, когда на Маріинской сценѣ я состоялъ въ отпуску, а съ сентября этого года и въ отставкѣ, я пѣлъ болѣе чѣмъ въ восьмидесяти городахъ Россіи, то въ концертахъ, то въ операхъ. Къ этому побуждаетъ меня главнымъ образомъ жажда дѣятельности, а

отчасти необходимость зарабатывать, такъ какъ приходится расплачиваться и очень дорого все за тѣ же семейныя «неисправности». Я привыкъ уже не стѣсняться въ деньгахъ, а между тѣмъ легенды о моихъ сбереженіяхъ сильно преувеличены. Не скрываю, что въ теченіе свыше двадцати лѣтъ я заработалъ болѣе милліона рублей, но осталось у меня ужъ, конечно, гораздо меньше...

Пѣлъ я только по-итальянски и по-русски. Къ родному языку привыкъ теперь такъ, что заграничные ангажементы мнѣ не улыбаются, а въ Парижъ не поѣхалъ именно изъ-за условія пѣть по-французски: мнѣ это не нравится. Здоровье мое всегда было хорошо и теперь я на него не жалуюсь. Режима никогда не держалъ никакого, не пью и не курю только потому, что не нахожу въ этомъ удовольствія. Никакихъ мѣръ для прославленія себя не принималъ, кромѣ упомянутыхъ 25 франковъ на клаку при дебютѣ, безъ чего въ Италіи обойтись нельзя. Передъ печатью никогда не заискивалъ, за что и претерпѣлъ не мало... Портреты? Вотъ тутъ въ ящикѣ ихъ должно быть много. Фу, какая пыль! Ба, да все одинаковые... Вотъ подите же, какъ я дурачился съ фотографіей, а порядочнаго портрета не сохранилъ. Впрочемъ, поклонники утащили у меня даже клавиръ «Дубровскаго», подаренный мнѣ съ надписью Направникомъ, а о моихъ

портретахъ и говорить нечего. Ну, устраивайтесь съ этимъ, какъ знаете!

Разсказать вамъ напослѣдокъ интересный случай? Нѣсколько лѣтъ назадъ, за обѣдомъ у А. С. Суворина нѣкій генералъ, извѣстный въ литературѣ, но до оперы не большой охотникъ, сказалъ про меня, что я—шулеръ, такъ какъ обманываю публику, дѣлая видъ, что у меня есть голосъ, котораго на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Я отвѣтилъ, что принимаю слова его за очень лестный мнѣ комплиментъ... «Да вамъ-то тутъ что же?»—въ изумленіи спросилъ генералъ, не имѣвшій обо мнѣ никакого понятія. Я объяснилъ, что меня это близко касается, ибо я—Фигнеръ... Выраженіе лица генерала и вообще послѣдовавшая сцена были очень интересны, но замѣчательнѣе всего, что милѣйшій генералъ въ сущности былъ правъ. Теперь, когда карьера моя кончается, я могу сказать: Да, я всегда бралъ тѣмъ, что мнѣ удавалось скрывать свои недостатки, которыхъ у меня много. Вотъ почему я избѣгалъ нѣкоторыхъ «русскихъ» оперъ, написанныхъ невыгодно для голоса. Но если публикѣ разныхъ странъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ нравилось, положимъ, принимать отсутствіе голоса за голосъ и неумѣнье пѣть за умѣнье, такъ мнѣ-то не было никакого разсчета выводить ее изъ заблужденія. Когда увижу публику немногочисленную и ко мнѣ равнодушную, тогда перестану «обманывать» ее своимъ пѣніемъ,

но такого случая со мной еще не было, а потому, какъ пѣлъ, такъ и пою». Почему я ушелъ со сцены Маріинскаго театра? Думаю, что это лучше извѣстно дирекціи театровъ, а я—не знаю...

* *
*

Я ушелъ, унеся не только пачку запыленныхъ портретовъ, но и нѣкоторое недоумѣніе передъ равнодушіемъ знаменитости къ собственной особѣ. Вѣдь знаменитости, особенно сценическія, обыкновенно влюблены въ себя и, даже будучи въ халатѣ, стараются изобразить собою нѣчто необыкновенное, а тутъ ничего подобнаго: жизнерадостный, подвижный, веселый человѣкъ, глядя на котораго невозможно повѣрить, что онъ прожилъ пятьдесятъ лѣтъ и изъ нихъ двадцать пять пѣлъ на сценѣ!

Ахъ, какая прекрасная, какая могучая это сила—талантъ, и какъ властвуетъ она надъ всѣмъ: и надъ немощью человѣческой, и надъ временемъ, и надъ дрянными мелочами жизни! Все это не выступаетъ непріятно на первый планъ, какъ у сѣраго большинства, а кажется только на мигъ страннымъ и смѣшнымъ—и затѣмъ вовсе исчезаетъ... Впечатлѣніе же даетъ неуловимое вѣчно юное «нѣчто» то, что не имѣетъ вполнѣ точнаго имени, но за собою манитъ, собой чаруетъ и обладаетъ свойствомъ вызывать восторгъ и рукоплесканія!